

Оглавление раздела

[Коммунарское движение:
попытки осмысления](#)

- ♦ [Введение в коммунарское движение](#)
- ♦ [Молчание гордых](#)
- ♦ [В парусиновых брюках](#)
- ♦ [Идеалисты](#)
- ♦ [Приключения авторитета](#)
- ♦ [Коммунарство - взгляд со стороны.](#)
- ♦ [История коммунарства: ретроспектива и перспектива в контексте общественно-педагогического движения](#)
- ♦ [Коммунары поделились на богатых и бедных](#)
- ♦ [КОММУНАРСТВО: заповедная зона или экспериментальная площадка](#)
- ♦ [Прошлое в настоящем](#)
- ♦ [Ивановство - это больше, чем коммунарство](#)
- ♦ [Последний Романтик Империи](#)
- ♦ [Человек, построивший коммунизм](#)
- ♦ [Два взгляда на педагогическое наследие И. П. Иванова](#)

Последние изменения

- 17 Jul: [Лагерь ролевых игр "Кентавр"](#)
- 02 Jul: [ССЫЛКИ неформалов](#)
- 30 Jun: [Для тех, кого жаба не мучает](#)
- 24 Jun: [Жить в мире звуков](#)
- 23 Jun: [Технология создания развивающего пространства для подростков](#)
- 15 Jun: [Мой мир солдатиков](#)
- 11 Jun: [Беспризорная страна](#)
- 29 May: [Неформальная социотехника и альтернативная педагогика](#)
- 29 May: [ФОНТАРЪ](#)
- 26 May: [Рэперы \(Хип-Хоп движение\)](#)

Неформальные новости

ФОНТАРЪ

Самиздат полтавских неформалов. Абсолютно аполитичный и внесистемный D.I.Y. проект.

Минивэн Клуб

Словари сленгов неформальных сообществ

[Анимешники, гопники, граффити, ролевики, рэперы, флэшмобберы, жакеры, хиппи, ЧГКшники и многие другие...](#)

[Посмотреть и пополнить словари](#)

Неформальная педагогика и социотехника

[Очерки неформальной](#)

Виктор Кияница, Борис Минаев, Цхинвал, «Комсомольская правда», 1989 г.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК ИМПЕРИИ

Как не закалилась сталь

Мама съездила в Москву, купила Коле новые брюки. Он поглядел на них, и вдруг крикнул дрожащим голосом с обидой: зачем ты зря потратила деньги!

На школьном вечере поэзии он вел себя не так, как обычно: стихов не читал, а когда началась дискотека, стал приглашать всех девушек подряд — никогда прежде не любил танцевать — и бурно веселился. Кто-то спросил: «Что с тобой?». Он бросил: «Наверстываю упущенное...»

Возвращаясь с последнего проведенного им актива, бросил кому-то из знакомых: «Может это — моя лебединая песня».

Из деталей, из мелочей, из взглядов, многозначительно брошенных на ходу фраз вдруг проступила страшная правда: знал, готовился. И даже иначе можно сказать: предупреждал.

Он предупреждал — и будто загонял себя каждой такой многозначительной фразой все дальше и дальше к последнему шагу, будто вешки ставил — в топь. Дошел, роняя слова, и решил, что отступать некуда, недостойно. Он словно лелеял, бережно вынашивал несколько месяцев мысль о самоубийстве, любовался ею. Берег, как последний патрон.

Из завещания Коли Яралова:

«Я знаю, на что иду. Знаю, что принесу вам большое горе. Мне вас очень жаль, но себя жаль еще больше. Нужно вовремя поставить точку. Не нужно расстраиваться. Все к лучшему. Простите за все. Этот вопрос я должен решить... Это дело чести ...»

У меня есть просьба, которую прошу рассматривать, как завещание. Прошу выполнить ее в точности. В моей смерти прошу никого не винить. Не виноваты ни школа, ни семья, ни кто-либо другой... Прошу проследить, чтоб никого не наказали по моей вине. Прошу принести всем учителям, родителям, одноклассникам, вообще всем мои извинения. Я очень виноват перед ними. Следствия по моему делу прошу не открывать. Похороните меня быстро, без всяких застолий. Потратьте как можно меньше денег. Проследите, чтоб учителя, родители, одноклассники потратились как можно меньше. Не надо расстраиваться и плакать, не надо трагедий. Все спокойно. Похороните меня на высоком месте, чтобы рядом были деревья и видно горы... Не надо митинга около школы, просто последний звонок. Хочу как-то отметить Дворец пионеров, тайно мечтаю, чтоб меня вынесли оттуда. Мой комсомольский билет и фотографию прошу отправить в пионерский лагерь «Орленок»... Прошу пресекать решительно все слухи и сплетни обо мне, если они связаны с моей жизнью, с моим классом и так далее. Я не хочу, чтоб моя комната пустовала. Тома, сделай там свой кабинет. На мой день рождения прошу приглашать одноклассников, веселитесь...

Я хочу, чтоб все обстоятельства моей жизни остались тайной. Ничего не рассказывайте никому.

Возможно, я делаю глупость. Честно говоря, я не хочу умирать, но продолжать жить я не хочу еще больше...

Я принес вам столько несчастий. Вы столько сил потратили на меня зря. Целую вас, обнимаю.

Любящий вас Коля».

Перед смертью Коля выбрасывал свои бумаги. Что в них было? Может быть, дневники? Какие-то личные записи? Мы не знаем. Знаем только одно: Коля не хотел, чтоб в его душе копались. Поэтому строить версии, догадки, вести «следствие» по его «делу» мы не будем.

Колина жизнь и смерть — не загадка, к которой можно подобрать десяток ключиков-разгадок. Это тайна. Самая настоящая. И именно с этим ощущением мы пишем о нем.

За два месяца до Колиной смерти в этом классе произошло еще одно трагическое ЧП. Погибла одноклассница. Гордость класса. Умница. Красавица.

Причины — глубоко личные.

Больше этой истории касаться не будем. Чтобы не задеть неосторожным словом близких, не тревожить понапрасну светлую память юной и чистой души.

И еще, потому что это — отдельная, другая история. Она коснулась Колиной жизни рикошетом. Но — точным, попадающим в самое сердце.

...Ее искали почти всем классом. Когда тело вытащили из воды, Коля

социотехники

или «Технология группы – 2»

Где купить бумажную книгу

Рецензии

«Технология группы»

Авторская версия

Крошка сын к отцу

пришел

Методологи-игротехники обратились к решению педагогических проблем в семье

Оглядываясь на

«Тропу»

Воспоминания ветеранов неформального педагогического сообщества «Тропа»

Дед и овощ

История возникновения и развития некоммерческой рок-группы

**Владимир Ланцберг
Фонарщик**

Фонарщик — это и есть

Володя Ланцберг, сокращенно — Берг, педагог и поэт. В его пророческой песне фонарщик зажигает звезды, но сам с каждой новой звездой становится все меньше. Так и случилось, Володи нет, а его ученики светятся.

Педагогика Владимира Ланцберга

Новый сайт —

lantsberg.ru

Друзья!!! Идёт подготовка сайта Владимира Ланцберга. Подробнее читайте [здесь](#) и пишите по адресу info@lantsberg.ru

Ссылки неформалов

Словарь сленга
slanger.ru

DIYclab: украинский
DIY ресурс

Roma Aeterna

Неформалы 2000XX

Ссылки
неформалов

Молодежные
субкультуры
Людмила Сауленко,
Одесса.

Препарируя
гопников
Юрий Карабельников,
Иркутск

Нацболы: взгляд
изнутри. Интервью с
активистом НБП

Келья неформала.
Интервью с
неформалом —

видел отца девочки.

После долго не мог прийти в себя, все повторял: «Какие у него были глаза...». Повторял с плохо скрытым ужасом.

Когда шли с кладбища, они с учителем физики отстали. До сих пор он вспоминает тот разговор с тяжелым чувством — пытается понять и не может.

— Видите ли, Коля сказал мне тогда все то, что я хотел бы сказать ему и всем ребятам. Что не могла она, не имела права, что такой дорогой ценой платить за свои чувства — преступление. Пытался убедить себя? Не убедил.

...Когда в его школе состоялось собрание педагогического коллектива («Об усилении роли идеологической работы...» — или что-то в этом роде), на котором должна была пойти речь о смерти двух детей, его тетя Тамара Николаевна собралась с духом, пришла — тут-то и услышала впервые: «Ваш Коля был слишком начитанный, порядочный. Надо было его больше закалить... Надо было его лучше готовить к трудностям...»

У кого это сказано: «Жизнь свою читал с листа»? То есть жил как бы набело, без помарок. У многих окружающих было именно такое, наверное, ощущение от его, Колиной жизни.

Коля умел спорить. Но как расскажешь об этих спорах?

Его удивительно ясную (без помарок) речь отмечали все. Уже старшеклассником как-то наотрез отказался — в открытую, на уроке учить стихотворение Маяковского. И доказал, и победил в споре. И весь класс вместе с ним учил другое, непрограммное стихотворение. Фантастика?

Для него, Коли, обычное дело: встать на уроке и выступить о «Поднятой Целине», о Горьком, о Сталине. Он не боялся ни тех минут, когда класс напряженно затаил, ни тех, когда большинство восставало против его, Колиной, точки зрения.

Он любил выступать и тщательно готовился ко всем выступлениям. В школе — ведущий всех вечеров, в галстук-бабочке с веселыми глазами. На диспуте, на слете, на комсомольской учебе, на областном пленуме — произносящий самые главные, проникновенные слова, громящий с трибуны бюрократов («хорошо говорит» — цокали языком в зале), вдохновенный и порывистый.

Он любил Баха и Бетховена, красивые песни под гитару. Любил стихи. Любил «великую русскую литературу». Любил горы, походы, куда его взяли впервые в четыре года. Любил шумные студенческие сходки, споры — его тетя Тамара Николаевна долгие годы возглавляла замечательный студенческий клуб «Аполлон», полгорода — ее воспитанники.

Это была чистая среда.

«Что изменилось за лето, стал ли я взрослее? За лето я стал жестче, вышемернее, холоднее. Как-то замкнулся. Но я не считаю, что стал хуже. Вышеперечисленные качества в какой-то мере хороши и нужны — я стал взрослее. В последнее время я часто думаю о будущем. Вот уже год я оцениваю свои поступки по прошествии некоторого времени, совершенно произвольно. Это не зависит от меня — просто вспоминаю».

«Что я знаю о себе? Я знаю о себе раз в пять больше, чем другие. Но продолжаю раскрывать себя каждый день. Какой я человек? Какие способности в себе я нахожу? Человек я в целом положительный. Но с несколько реакционным характером. То есть есть во мне и злость, и жесткость, и высокомерие...

Что я ценю в товарищах, в людях вообще? В товарищах я ценю склонность к пониманию. А в людях — благородство, чистоту, интеллигентность, ум, гордость и честь... Каким я кажусь другим людям? Почему? Людям я кажусь, по-моему, вообразулей и зазнайкой, вообще плохим человеком. Но, честно говоря, мне на их мнение наплевать. Именно наплевать. Люди, которые меня понимают, относятся ко мне по-другому. Какие недостатки я у себя вижу? Я думаю, что я слишком уступчив. Об остальном — и более важном предпочитаю умолчать».

С детства моей любимой книгой была книга польского писателя-антифашиста Януша Корчака «Король Матиуш I». Я читал ее около тридцати раз и все равно не могу сдержать слез в конце книги, когда Матиуш умирает...

Образ короля Матиуша очень близок мне. В детстве я был таким же. Такие же мысли, «бредовые» идеи сделать мир лучше, а людей — чище... Прошли годы жизни. Детство ушло безвозвратно. Ушли самые счастливые, безоблачные годы. Теперь я возвращаюсь в этот звонкий мир благодаря Матиушу. Его мысли наводят на меня странные ассоциации и сейчас. Это потому что я перенял образ его мышления. Этому помогло и то, что у нас схожие биографии. С высоты моего возраста мои мысли выглядят смешными, но такова жизнь. Я стал оценивать свои поступки Матиушем. Он часто со мной не соглашается, и это и значит, что время детства прошло «.

Классика какая-то.

Да, классика. Классика мыслей, чувств, пристрастий...

Как найти Колю в этой «беспомарочной» жизни?

Все-таки ритм сердца — он сбивчивый. Так-так.

Все-таки жизнь — не сплошная линия. Где ты, Коля?

...Тетя отвела его в изостудию. Его детские работы сразу появились

православным монахом.

**Маргиналы,
неформалы,
альтруисты**
О словах и выражениях.

Сага о Системе
(Хиппи). Евгений
Балакирев (Крот),
Владивосток.

**Кожаные куртки
брошенные...**
(Субкультура
скинхедов). Михаил
Кордонский, Одесса.

**Власть и
контркультура**
Панк как этика и
эстетика
противостояния. Ольга
Аксюткина, Москва, РГГУ.

**Судьба
коммунарства**
Ричард Соколов,
Москва.

**Очерки
общественной
педагогике:
ролевое движение
в России**
Борис Кулрянов,
Алексей Подобин,
Кострома.

на выставках, их отмечали даже профессионалы. А он — может, случайно? — забрал во Дворец пионеров, в ту комнату, где заседал пионерский штаб.

И пропал в нем с головой.

Из беседы с одноклассниками:

— Знаете, он всегда ходил на перемене с книгой...

— С какой?

— «Материалы XXVII съезда КПСС».

— Что, просто носил с собой на всякий случай?

— Нет, почему. Читал...

«...Я хочу сделать так, чтобы всем было хорошо, но в мире, где царят протекционизм, поклонение деньгам, силе, подлость и низость, это невозможно.

Я выбрал путь действия через комсомол... Этим и вызвана моя «анекдотическая» верность идеям».

Из выступления на пленуме обкома комсомола:

« С полной ответственностью могу сказать, что перестройка в комсомольских организациях началась и пустила корни, но ее темпы в последнее время несколько замедлились... С такой тенденцией мириться нельзя.

У некоторой части молодежи сложилось пренебрежительное отношение к нашим моральным, духовным, историческим ценностям. Стыдно, что мне приходится быть их товарищем по союзу... Это я говорю, потому что ослабла роль комсомола как воспитательной организации...»

...Колина мама бросила в сердцах: «Тебя лечить надо от комсомола!»
Страшно обиделся.

В другой раз сказал ей: «Хорошо, мама, я не пойду завтра во Дворец. Но с одним условием: ты не пойдешь тоже в свою больницу. Ты тоже бросишь свою работу».

Из беседы с Арианой Джюевой, секретарем Юго-Осетинского обкома комсомола по учащейся молодежи:

— Коля пришел с идеей: давайте организуем школьный колхоз! Пусть будут новые трактора, свое поле, своя ферма! Я ему говорю: давай сначала организуем обычный субботник. Потускнел. Или — еще идея: создать внешкольную комсомольскую организацию. Пройти по школам, выявить лучших — из них сколотить такую вот «боевую» группу. Я опять попыталась вернуть его с облаков на землю: вот твой штаб, ты его командир — увлеку ребят... А он мне — все не то. Махнул рукой...

— Ноги моей больше не будет в парламенте! — вернувшись во дворец, решил смертельно оскорбленный Матиуш. — Черной неблагодарностью отплатили они мне за все, что я для них сделал. За бессонные ночи, за опасные путешествия, за защиту государства, едва не стоившую мне жизни... Нет, не стоило ради них стараться.

Как-то бросил «Томе» странную фразу: «Эх, стать бы хоть ненадолго маленьким Сталиным, навести здесь порядок». А в школе, на уроках, активно выступал против Сталина (оппонентов было достаточно), громил сталинщину — с выкладками и цифрами из журналов.

Из завещания Коли Яралова:

«Я считаю себя комсомольцем. Но в общественной жизни я родился слишком рано. Я человек будущего. Я считаю себя, теперь я имею на это право, видным теоретиком и практиком комсомола, но мне не дали раскрыться, к этому не готовы. На ближайшем пленуме обкома комсомола я прошу объявить мои последние пожелания относительно комсомола.

Работайте так, чтобы вас запомнили, не бойтесь смелых решений, будьте борцами, совесть, активность, идейность и энтузиазм — лекарства, которые вам нужны».

Влада — из параллельного класса, всегда вместе с Колей была ведущей школьных вечеров — скромная такая девочка с твердым характером — сказала нам: « Если б чудом можно было его встретить сейчас на улице — я бы отвернулась, руки бы не подала и никогда не стала с ним разговаривать. Как можно так?».

Одноклассницу Владу можно понять: по отношению к своим близким Коля совершил чудовищную несправедливость. Никаких реальных, близко лежащих причин (о которых можно было бы сказать в одной фразе) нет.

...Не будет версий, догадок, мнений. Но будут сомнения. И первое из них — о смерти.

Так ли уж виноват «переходный возраст» в жуткой вспышке подростковых самоубийств? Подросток легче проваливается в яму стресса, психологической драмы, но что-то ведь должно держать его на

краю — какая-то защитная система?

Копина смерть показала: причины не стоит искать на поверхности.

Они — глубже. Хороший учитель не заменит веры в свое предназначение, восанной с молоком матери. Твердой духовной опоры внутри себя.

Но ведь у Коли эта опора была. Была вера. Было предназначение. Был идеал...

Из сочинения: «Павке было легче. Он боролся с явными врагами... А я не могу даже раскрыться, выложиться. Примером для подражания служит В.И. Ленин. Горький писал о нем: «Для меня Ленин — герой легенды Данко». Ленин смог это сделать, а у меня такой возможности нет. Поэтому мои желания и стремления скромны: дожить бы до второго тысячелетия. Дожить и погибнуть. Это личное, а пожеланий окружающим меня людям и обществу в целом не перечить. Хочется отдать освобождению человечества и воцарению истинно человеческих, гуманистических ценностей все свои силы. Я способен на этот подвиг, но нет условий для его осуществления. Все мои мысли и задумки — бред, если их не понимают. А как раз поддержки, понимания у меня нет. Жаль, что из-за моего личного несовершенства пропадают идеи, достойные будущего. В этом виноваты многие, целые массы людей, они несчастны. Возможно, это бред максималиста, но именно эти мысли роятся в моей голове».

...Странный ребенок? А может напротив — глубоко нормальный? Чересчур нормальный?

Иерархия нравственности — чуть книжная, без ярого максимализма, без истерики... Книжки читать любил? А это что, болезнь? В горы ходить обожал — урод, скажете?

Не сходились у нас концы с концами. Как ни крути.

Отмечают все: к концу девятого класса к общественной работе Коля несколько охладел. И тут — поездка в «Орленок».

Из письма:

«Я попал в свою родную стихию. У меня начался такой прилив энергии, что я даже ночью думал. Работа была очень напряженная... Сбор проходил в форме Академии Наук. С нами работала группа ленинградских педагогов из пединститута имени Герцена. Замечательные люди! Мы чувствовали себя на два шага впереди авангарда перестройки.

Меня избрали во Всесоюзный совет сбора — всего 16 человек по Союзу. Буду работать в Закавказье».

Он нашел точку опоры, с помощью которой, казалось, может перевернуть мир.

Из письма Албану Джайлямышеву, участнику сбора:

«...Сейчас у меня плохое настроение. У нас очень обострилась обстановка. Все это очень отвлекает от работы. А она не удается. После головокружения от успехов началась тяжелая полоса. Все, что я сделал, никому не нужно. У нас не осталось комсомольцев. Я не могу их заинтересовать. К 70-летию ВЛКСМ провели на высоком уровне слет комсомольцев-старшеклассников. Мы отдали ребятам все, отдачи не было».

Из письма Коле вожатой «Орленка» Тани Гавриленко:

«...А теперь в общем о тебе. Мне кажется, ты одинок идейно. Коля, не горячись. Комиссар на боевом коне — это, может быть прекрасно, но это прошлое. Тебе нужны единомышленники среди ребят. Не при напролом, будь гибче...

Коля, мне жаль по-хорошему тебя. Я уже воспрянула духом, потому что вернулась в «Орленок». Боюсь думать о том, что будет, когда срок командировки закончится. Ведь «Орленок» — не навсегда».

Из письма Тани Гавриленко:

«...Я сейчас в полной растерянности... Уже неделю без лагеря и ощущаю насколько «там» идеальные и, может быть, искусственные условия жизни. После того, что я вижу, я не знаю, зачем моя работа, зачем «Орленок» — такой, какой он есть. Кому все, что мы делаем, нужно? Ведь никто в этом беспорядке не сможет ничего сделать...

Я уже знаю десятки ребят, приезжающих из лагеря и говорящих с людьми на непонятном для тех языке».

В одном из последних, отчаянных писем Коля написал: «Я не выполнил свой орлятский долг, то, что мне поручили. Теперь моя жизнь ничего не стоит...»

Так, может быть, виноват «Орленок»? «Там» — идеальные условия. Искренние люди. Единомышленники, соратники. А «здесь» — серые будни. «Чудо-остров» — сказал кто-то об этом лагере. «Чудо-остров,

чудо-остров, жить на нем легко и просто...»

И опять тот же вопрос: не слишком ли насыщенную, интересную, полнокровную духовно жизнь создают для ребят в «Орленке»?

Не будем аргументировать, доказывать, спорить. Каждый отвечает на этот вопрос сам — что для него норма: «там» или «здесь»? Другое дело: детей «под танки» бросать не стоит. Не стоит делать из них сознательно людей, идущих «на два шага впереди авангарда перестройки». Пусть каждый выберет свою дорогу сам. Впрочем, так оно и было: Коля сделал выбор.

Незадолго до гибели он сказал: «Во мне не один, а три Коли Яралова. Два уже умерли».

Встал утром. Собрался спокойно. Не выдал себя ни словом, ни жестом. Взял заветную тетрадь с записями из «Орленка». Достал портрет Наполеона, стоявший на почетном месте в шкафу. Сунул в портретную раму комсомольскую учетную книжку погибшей одноклассницы (зачем?). Попрощался глазами.

Почти месяц держал под подушкой номер «Огонька» со статьей о самоубийцах. На его нетронутым столе осталась лежать вырезка из журнала — о самоубийстве молодого поэта Александра Башлачева.

Наполеон... Башлачев... Его «Грибоедовский вальс».

Вот и все. Бой окончен. Победа.
Враг повержен. Гвардейцы, шаш! —
Покачнулся Степан Грибоедов,
И слетела минутная блажь..

Он смотрел голубыми глазами.
Треуголка упала из рук.
И на нем был залитый слезами
Императорский серый сюртук...

Загипнотизированный гастроллирующим магом, колхозный водовоз возомнил себя Наполеоном. Гипноз прошел, а водовоз так и остался в императорском сюртуке. И не смог больше жить.

Но кто загипнотизировал Колю? Или что?

Осталась тетрадь из «Орленка», которая была при нем в тот последний миг.

Из «орлятской» тетради:

«Каждое коллективное творческое дело (КТД) — это проявление практической заботы об улучшении общей жизни, иначе говоря, это система практических действий на общую радость и пользу. Главное — возбуждать и укреплять мажорный дух, дух бодрости «и уверенности в своих силах, своей способности нести людям радость, стремлению преодолевать любые трудности».

Три Коли Яралова. Король Матиуш — душа ребенка и взрослый ум, как сказал о нем кто-то. Высокий, нескладный парень, вздрагивающий плечами, когда его снимают с уроков для очередного «мероприятия», а вслед летят язвительные шуточки. Пламенный комсомольский активист.

Когда-то они — все трое — должны были совпасть. И совпали, как совпадают в одной точке прицел, мушка, и прыгающее перед глазами пятнышко мишени.

В первом классе, вспоминает Тамара Николаевна, у Коли случилась маленькая драма. «Тома, меня не спрашивают!», — пожаловался он после первой же недели занятий.

Нам часто казалось, когда мы думали о нем, — Колю не спрашивали о чем-то важном всю его короткую жизнь... Кто не спрашивал? И о чем? Теперь уже не узнаешь. Может быть о любви? Может, о каких-то иных духовных интересах, что остались неостребованными, а ведь силы в нем дремали немалые. Его спрашивали о другом. Часто спрашивали. Все время.

— Не таких, как Коля, надо посылать в «Орленок!» — сказала Ариана Джиева.

Подвиг. Страдание. Героическая смерть. Об этом мы слышаны с детства. А откуда узнать о подвиге долготерпения, героизме будничного служения? Неужели вместе с карманной или настольной Библией ушли в небытие представления о грехе и очищении, о высшем даре — жизни — и о долге нести его бережно, преодолевая мучения во имя любви?

Примеры борцов за светлое будущее — всегда под рукой, в любой хрестоматии. А примеры проповедников, миссионеров, пастырей и лекарей, просто работников, трудом и самоотречением создавших прецедент гуманистического отношения к человеку? Вот эти бы Коле «убеждения» ... И дело тут, конечно, не в том, по каким книгам учиться, хотя и это важно. Дело в том — как жить.

Больше двадцати лет назад в «Алом парусе» появилась статья об одном замечательном подростке, десятикласснике. Он был лидером класса, и формальным, и не формальным — умел погасить конфликт, увлечь, поднять настроение. Прошли годы, и Айк Котанджян, герой статьи, стал комсомольским работником, затем партийным. Идеалов юности не потерял, утвердив себя человеком и руководителем принципиальным и честным. Автор очерка не ошибся — он верно угадал героя.

А статья называлась так: «Вариантов не признаю».

...Прошло больше двадцати лет. И другой мальчик, в другое время, в других обстоятельствах, по сути дела повторил тот же святой принцип

одержимости: вариантов не признаю.

Он сказал по-другому: «это — дело чести». Да, другая эпоха. Не вернуть тех романтических мальчиков шестидесятых. Быть может, Коля — последний из них, чудом уцелевший в наше время.

Не уцелевший, вернее.

Его смерть заставляет переосмыслить старую формулу. Варианты человеку нужны. Они необходимы всем нам, как воздух. Варианты во всем — в выборе поведения, стиля жизни, мышления, да и общественных организаций. И конечно, в выборе символа веры.

Деньги, семья, наука, религия, политика, свобода, подчинение, любовь, аскеза, любознательность, самопогружение...

Да нет предела этим вариантам. И каждый во благо.

Если по честному.

...С этой честности любого из вариантов, честного выбора между ними и начинается богатство нашего общества. Любого общества.

Ведь богато оно людьми.

*Виктор Кияница, Борис Минаев,
Цхинвал,
«Комсомольская правда»*

3 декабря 1989

[Обсудить статью в нашем ЖЖ](#)

[Для печати](#) | [↑](#) | [Обсудить на форуме](#)

Комментировать:

Ваш e-mail:

Откуда вы?:

Ваше имя*:

Антибот вопрос: **Сколько будет дважды три (ответ словом)?**

Ответ*:

* - поле обязательно для заполнения.
* - to spammers: messages in NOINDEX block, don't waste a time.

сюда впишите текст комментария

Никаких прав — то есть практически.
Можно читать — перепечатывать — копировать.

